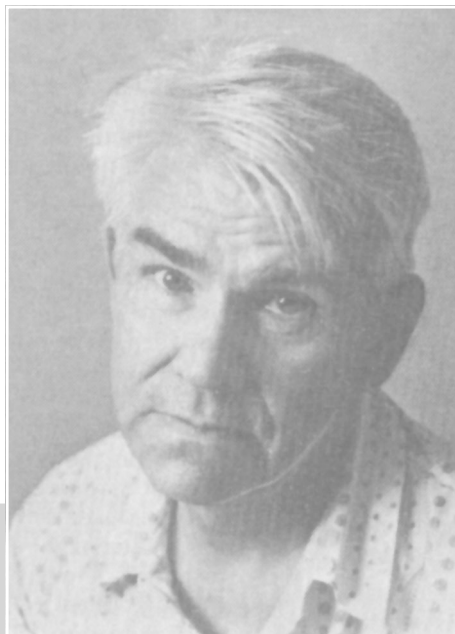

остановиться,
оглянуться

*Юрий
Макаров*

Дайте мне СТОЛЬКО СИЛЫ, СКОЛЬКО на свете боли

Юрий Макаров
(1932–2003), русский поэт, лирик. Автор
нескольких поэтических книг. Жил, творил
и умер в Казани

С

* * *

Стою, пронизан горизонтом
И высотой ослеплен.
И входит далями и солнцем
Земля в меня со всех сторон.
Давай же, Родина, давай,
Входи в меня, входи, Россия!
Души пахучий каравай
Тяну навстречу, что есть силы.
Пусть ветры горло захлестнут,
И хлынут реки, закипая.
Пусть пашни медленно втекут,
Хлеба высокие качая.
Входи же, Родина, входи,
Щедрее дух, тучнее вены,
Ведь ты одна во всей вселенной,
И вся, как паводок, – в пути.

* * *

Окропи меня, жизнь, окропи,
Я стою одиноко под вязами.
Всеми молниями ослепи,
Громыхая громами, приказывай.

Я уйду по дорогам твоим,
По овсам, по хлебам, конопляникам,
Может быть, я тобою любим
Не оседлым, а нищим и странником?

Я, затворником бывший вчера,
Лишь выдумывал дали и просеки.
Мне давно бы в дорогу пора
По твоей очищающей просини.

Я котомки с собой не возьму.
Много ль надо мне? Соли да хлебава.
Брошусь прямо в твою кутерьму –
Жизнь простыми словами расхлебывать.

Будут тропы по мне скучать,
Ляжет вечер в траву под вязами.
Станет ветер цветы качать
И веселые грозы праздновать.

Моя родословная

Как сны, легко и невесомо,
менялись, плыли облака,
Навстречу шли сквозь птичий гомон,
кресты топыря, купола.

В рубахе, схваченной веревкой,
и перелатанных портах
стоял старик, склонясь неловко
на посох в скрюченных руках.

Потрескались босые ноги,
как та, от засухи, земля,
и он, бездомный и убогий,
просил, не поднимая взгляд.

Бросали скупое и надменно
монету в грубую ладонь,
и шли покорно и степенно,
сгибаясь набожно в поклон.

И кольца на холеных пальцах
лукаво шурились в свечах,
и лица, бормоча и пялясь,
крестили истово с плеча.

А в алтаре, раскрылив руки
над мостовой бульжных лбов,
скорбел от неизбывной муки
над стариком поникший Бог.

Эй, Волга! Эй, ветер, упругий и хлесткий!
Эй, зыбкие волны, в шкуре гребней!
Я тоже, как буря, бездомный и броский,
С размаху влетающий в груды камней.

Стихи и стихия – мы братья по нраву,
Нам тесно и тяжело в своих берегах.
Бунтуя, и я разбиваюсь о скалы,
И пенится, падая, мой пережат.

Эй, Волга, послушай! И я за тобою
В ту невидаль буйной, сверкающей воли.
И мне надоело скитаться рекою,
Хочу необъятности, ветра и моря.

Я выпал из созвездья Гончих Псов,
среди людей став уличной собакой,
чтоб жить и спать среди сирот и вдов
и не вступать в бессмысленные драки.
Я нюхаю штаны и башмаки,
за добрый взгляд бегу с прохожим рядом
и, получая злобные пинки,
не вопрошаю полудетским взглядом,
и подставляя морду и бока,
другим бездумно доверяюсь снова.
Во мне под древней шкурой простака
летит неудержимо кровь Христова.

Дайте мне столько славы,
сколько радости в мире –
и я буду знаменит,
как крест
на безымянной могиле.
Дайте мне столько власти,
сколько счастья на свете –
и я буду могущественен,
как раб под плетью.
Дайте мне золота столько,
сколько на свете горя –
и его у меня
будут горы.
Дайте мне столько силы,
сколько на свете боли –
и я стану
Богом.

Я рядом с женщиной, невозмутимо спящей.
В душе ее спокойствие зеркал.
Она полна не мыслью преходящей,
А истиной, что я всю жизнь искал.

Она мудра, давно уже, с рожденья,
И ложь – ее невольная броня.
И для меня она полна значенья,
Как наступленье будущего дня.

Два монолога,
произнесенные одной ночью

1

– Нет, пожалуйста, не надо
глупо падать на колени.
Я прошу вас, не смотрите в губы
раненым оленем.
Вы, наверно, очень страстны?
Так, увы, бывает в книгах.
Я любви еще не знала,
мне, признаться, малость страшно.
Неужели вам приятно
целовать чужие руки?
Вы, должно быть, неопрятны
и куражитесь от скуки?
Помолчите, будьте милым,
ах, как хочется сирени!
Вот напасть, ведь я ж просила,
не вставайте на колени!
Лишь безумный, только шалый
может так разбросить сети,
умоляю вас, молчите!
Нас подслушивают дети...

2

– Твои руки, словно змеи
облегчают стан и плечи.
Я слабею, словно птица,
над которой кружит кречет.
Ах, как ты горяч и нежен,
как близка твоя улыбка!
Что во мне от дуры прежней?
Я – волна тягуче-зыбкая.
Расскажи, как это счастье
повторять всегда сначала!
Как в замок свести запястья,
чтобы вечно песнь звучала!
Ты недаром в эти губы
Смотрел раненым оленем...
На востоке солнца трубы,
встанем, милый, на колени!

Детская песенка

Я пишу, пишу, пишу
и на ниточке вишу.
Придет мой участковый,
а он мужик толковый,
улыбочкой забрезжит
и ниточку обрежет.
И полетят по ветру
последние грехи –
на все четыре света
сиротами стихи.

Пойдем со мною, Мария,
полями моими.
Там мы с тобой любили ранние лапы верб.
Верь мне, верь, иных нету вер...
Идем же к Богу, у которого я апостол.
Хочешь, чудо буду творить всюду
за то, что ты есть, Мария,
глазами моими, губами?
И каждый камень под нами
словами моими станет.
Реки тебя обнимут, солнечную, как тайну.
В них навек – ни конца, ни края.
Тело мое вольется в тело твое,
и третьим сердцем забьется все.
Мария, звезда зажжется в день рождения
твоего сына – синим огнем,
возвещая появление нас снова...

Ты, женщина, в меня ужом вползла,
чтоб быть в тепле и страстью напиваться.
Я все слабел, не понимая зла,
пока не начал просыпаться.
Открыл глаза, тебя в себе увидел,
согнувшись в ужасе, как раненый в живот.
Но поздно, я любил и ненавидел,
такое враз не сразу оборвет.
Вот так живу, теперь всегда с тобою.
Я от людей иду в твою печаль.
Иду туда я черною тропою
покорный жалости...
У ней своя печать.

Воспоминание об одной бестыжей прекрасной женщине

134

Войди в меня,
бессовестный проказник! –
глаза кричат сиреневым огнем, –
любви твоей я недостойна разве?
О, как глубок
мой темный водоем.

Ну, разбегись,
нырни в меня, поплавай!
Вода поверху
солнечно нежна.
Поверь мне –
это лучше глупой славы,
ты все забудешь
в золотистых снах.

Всласть поживешь
и сам себя забудешь,
не чувствуя,
что есть ты или нет.
А мир от этого, конечно, не убудет,
и не померкнет в муках белый свет.

Я так ладошками глаза твои закрою,
тебя собой наполню,
как водой, –
ты будешь тих,
как озеро зимою,
где дно не полыхает синевою.

Ну, что ты маешься?
Рискни душой и сердцем –
любовь прекрасна не издалека.
А нам придется
силами помериться.
О, у меня на это
легкая рука!

Примирение

Приемлю обывателя как есть –
как засуху, как мор и бездорожье.
Он как неизлечимая болезнь,
которую осилить невозможно.

Я графоман, я дилетант-любитель,
мне повезло –
я счастлив, я в пути!
Не допусти,
о, ангел мой, хранитель,
в профессию мой дар не возведи.
И в лабиринтах госэнциклопедии
не засуши меня, как лист или цветок.
Пускай живое слово в строчках бредит
как по весне чуть видимый листок.

В ЛТП

Над бетонным забором дремучий мороз,
фонарей малярные рожи.
Над забором колючая изгородь звезд,
и от Бога весь мир отгорожен.
Так кружись же игрушкой, планета, кружись,
наряжай нас в мечты и надежды,
как деревья в листву, чтоб выдумывать жизнь,
в детской лжи забываясь, как прежде.
У забора сторожкая оторопь троп,
наверху бесконечность немая.
Мне про тайные двери напомнил сугроб,
там, за ними, уже не поймают.
А войдешь в них, еще не успев постучать,
и архангел уже у порога...
Ты с грехами к нему, он же сразу: «Молчать! –
все, что было с тобою – от Бога...»

Еще раз о Родине

Ошарашит высью и полями,
и пойдешь, куда глаза глядят.
Жаворонки в небе ручейками
над тобой под солнцем зажурчат.

Будешь пить высокий, синий воздух,
жечь костры при свете крупных звезд
над рекой, где опрокинут в воду
хоровод танцующих берез.

Станешь и спокойнее и проще,
и душой нежнее ранних трав.
И не раз у соловьиной рощи
онемеешь, голову задрав.

Плещут воду из колодца
в синеглазое лицо.
Кружка водки
чинно пьется
с белозубым огурцом.
Сруб весной и рощей пахнет,
звезды в нем и тишина.
А в траве – сверчки и пакля.
И Россия – из окна.

Жизнь земную отринув навеки,
Тело сброшу с усталой души
И забуду, что был человеком,
Что так глупо страдал и грешил.

Буду чем-то нежным и странным,
Отдохну от мирской суеты,
И, витая в далеких пространствах,
Стану частью надзвездной души.
Над планетой своей протекая,
Вдруг войду в ваши горькие сны
И в душе вашей светом растаю,
Словно солнце в чащобах лесных.

Замкнулся «круг»...

Сегодня мне приснился Юра Макаров, будто бы стоит, громыхая двумя новыми оцинкованными ведрами, в очереди за водкой. Я подошел, молча протянул ему чекушку водки, он прямо-таки воссиял...

Он как-то так умудрился умереть в день рождения Пушкина. Если православный умирает на Пасху, а мусульманин в священный месяц Рамадан, то близкие говорят: «Счастливей!». В случае с Юрой Макаровым, наверное, можно воскликнуть то же...

В день, когда поэта предавали земле, я достал с полки его первую тонкую брошюру стихов под название «Круг» и наткнулся на...

Похоже, так он прощался со мной...

**Какой покой! Какая тишина!
В душе моей – как в одиноком поле,
Не к этому ль вся мудрость сведена –
Не чувствовать ни радости, ни боли.
Так хорошо, когда я с миром слит,
С дыханьем трав, с вечернею луною.
Общаясь всеми токами со мною,
Земля таинственно молчит.**

Мне он всегда напоминал Константина Фофанова – поэта-декадента конца позапрошлого века. Отчасти манерой письма, но более образом жизни, (а точнее безобразием её!). В «бедной на события» биографии Фофанова можно поменять только даты да имена, и получится биография Макарова.

Вот, наугад: *«Пробелы в образовании отчасти пополнялись чтением, но оно носило бессистемный характер», «В нем сидит необычайное дарование, удивительное чутье, и будь он начитан и образован, это была бы гордость русской литературы», «как бы ни была бедна, тесна, неуютна и уж совсем не комфортабельна обстановка его кабинета, стоило только ему начать чтение своих стихов, все преображалось. Он был уже неузнаваем: куда девалась эта манера одичалости, застарелой бедности. В нем уже светилось ярко и сильно самосознание, самоуважение...», «импонировавшее слушателям возбуждение Фофанова носило часто искусственный характер, уже в эту пору он страдал хроническим алкоголизмом, искажившим в дальнейшем жизнь писателя», «он был невыносимо, до страшного жалок, всегда пьяный, оборванный и осмеиваемый, но как бы ни был он сильно пьян, его небесно-голубые глаза сияли...».*

Про первый сборник Фофанова критики писали: «Наряду с оригинальными и вполне зрелыми стихотворениями, обличавшими крупное дарование поэта, в нем было помещено много заурядных и даже совсем слабых, ученических произведений», «Муза его поет, как поют птицы, не заботясь о том, что споется и как споется».

У Макарова вышло две книжки, первая «Круг» (1986) тонюсенькая, но профессионально отредактированная и вычищенная Марком Зарецким, вторая «Огненный ангел» (2002), заметно пополневшая от «заурядных и даже совсем слабых стихотворений», жизнь которым сердобольно сохранили редакторы Г. Никитина и Д. Валеев. Такое послабление в редакции пагубно сказалось как на Макарове, так и на его читателе. Первый, польщенный возней вокруг себя, стал «валить» стишки напропалую, а последний выразил легкое недоумение.

Приведу лишь два стихотворения поэта, как примеры лучшего и худшего:

Я чисто в комнате прибрал,
сварил дежурную похлебку,
стихов изрядно написал
и выпался, сбежав от водки.
Душа пустынное зеркал –
В ней отражен лишь синий воздух
И опрокинутый бокал.

Воспоминание об одной бесстыжей прекрасной женщине

Войди в меня,
бессовестный проказник! –
глаза кричат сиреневым огнем, –
любви твоей я недостойна разве?
О, как глубок мой темный водоем.

Ну, разбегись,
нырни в меня, поплавай!
И т.д.

138

ОСТАНОВИТЬСЯ, ОГЛЯНУТЬСЯ

Первое наше знакомство произошло в самом конце 80-х. В то время я работал редактором отдела в русскоязычном издании журнала «Идель», редакция находилась в старинном особняке купца Оконишников на улице Комлева (ныне Муштари). За окнами пылал июль, по коридорам тяжело, с одышкой, пробегал сквозняк, горячий, будто из сауны...

Отпуск мне полагался только в крещенские морозы, и я тихо матерился, редактируя какую-то дребедень. Вдруг в кабинет вбегает ошарашенный, с выпученными блекло-голубыми глазами, с растормошенной ржаво-седой шевелюрой, неприятный пьянчужка и, протягивая мне пакет, умоляет: «Купи, ради бога, мил человек!». Я брезгливо заглядываю в пакет, там... елочные игрушки! Представляете себе, жара, июль и... елки-палки!

К тому же игрушки какие-то несовременные, из моего детства, будто бы снятые с елки конца шестидесятых. Здесь и Дед Мороз, набитый ватой, и пестрые гармошки с персонажами из мультиков, которые тогда протягивали по всей комнате, и какие-то золотые солнышки с петушками, тисненые на картоне, и...

Одним словом, новогодняя мишура!

Потом он еще не раз забежал, предлагая то подмокшие от дождя книги, то радиоприемник в кожаной «Турист»... В конце концов, он принес свои стихи. Теперь, когда в кармане бывает пусто и никто из богатых «друзей» не дает в долг, вспоминаю Макарова: «Лишь бедный бедному поможет и нищий нищему подаст!»

В его сумеречную каморку в Профессорском переулке, мутными окошками уткнувшуюся в землю, с затхлым запахом древнерусского жилья, шуршащую средь бела дня клопами да мышами, любили заглядывать признанные поэты-начальники из Союза писателей. Ослабив галстуки и откупорив бутылочку, они «пригубляли из родника народной мудрости», они здесь отдыхали от своих бесконечных симпозиумов и конференций, где толкали правильные речи и прели на прениях. Макаров был рад дармовой водке и закуске, но после их ухода записывал:

Чужеродное нечто приходит ко мне,
Раздевается, вешает шляпу.
Мне уже неудобно, я словно во сне
Псом ученым даю ему лапу.

Жду, вот-вот он начнет говорить.
 Боже, милый, добавь мне терпенья!
 Так и душу недолго, как тать, загубить,
 Не спасет от злой скуки общенья.

Но тянулись к нему и другие гости. Просто пообщаться. Невменяемым я его ни разу не видел, он всегда здраво рассуждал. Ни о ком никогда плохого не говорил, но, заглядывая в глаза собеседнику, произносил с пьяными слезами: «Ми-и-иленький ты мой!» И по его интонации можно было определить, что скрывается за этим признанием. Любовь, сострадание, удивление, легкое презрение...

В то время я вел дневник, и кое-что записал:

«Зашли с пивом к поэту Макарову. На столе грязные и какие-то погрызанные стаканы, засохшие пельмени, зеленая соль... Ильдар Замалиев нараспев, с жалобными завываниями читал свою «парфюмерию» про душистый табак, про сближения с Богом... Пьяный Макаров плакал и просил еще... Замалиев послушно пел и заработал от мэтра пьяный поцелуй и беззлобный комплимент: «Ну, ты прям... комнатная собачка!»

«Когда Макарова кто-то спросил с укором, почему же он пьет и губит свой талант, он выдумал, что существует некая мировая чаша вина, которую человечеству необходимо одолеть сообща. И если ты отлыниваешь, то значит, кто-то должен отдуваться за тебя! А это нехорошо...».

Помню, как мы с писателем Ахатом Мушинским буквально сбежали к нему из опостылевшей редакции, где нас в тот день достали откуда-то нахлынувшие графоманы. Вот, сидим на ухабах его дивана, над головой у нас скрипят половицами соседи, а Макаров, откупорив пиво и нацепив свои очки с дужками, обмотанными синей изолентой, стал читать:

Придет к воротам старость,
 Заглянет тихо в дверь.
 Подсмотрит, что осталось
 Во мне от юных дней.

Потом открыто взглянет,
 Вплотную подойдет.
 Со мною рядом встанет
 И больше – не уйдет...

Я спросил его, когда он написал это стихотворение. Оказалось, что вчера вечером. Меня больше удивило то, что мы с ним в одно и то же время подумали об одном и том же. В тот вечер я записал в своем дневнике: «Интересно слушать, как стареет тело: скрип да скрип! И сны тоже стареют. Старость после сорока приходит и уходит, приходит и уходит, приходит и.. И вдруг – остается!». Я сказал прозой, а он написал крепкие и простые стихи.

Не раз еще я скрывался у него от озлобленных графоманов, от работы, что обрыдла, от самого себя, что надоел... Макаров же меня успокаивал такими словами: «Хватит скулить! Все жалобы какие-то, гробы и панихиды, тьфу! Да, жизнь такая-рассякая, но надо быть выше этого. Надо бороться со своим пакостным настроением!»

Я воспарял духом, снова хотелось жить и писать, а Юра Макаров взял свою объемистую клеенчатую сумку и пошел, как на работу, в запущенный сад «Эрмитаж» – собирать «чебурашки» из-под пива, сморчки-окурки да забытые пенсионерами на лавках газеты.

Пустая бутылка тогда стоила 12 копеек, а хлеб – 16, плавленный сырок 22 коп., «бомба» бормотухи не дороже трешки... Живи себе в радость и борись потихоньку со своим пакостным настроением!

Из аллей несутся звуки,
Звуки сладких серенад,
И заслушавшийся дремлет
И кивает старый сад.
(«В старом саду». К.Фофанов).

Обнимешь дерево, прижмешься
щекой к шершавому стволу.
И оживешь, и улыбнешься,
и скажешь: я еще живу!
(«Природа ближе, чем люди». Ю.Макаров).

Адель Хаиров

140

Берегите детей и хороших поэтов

Говоря о Юре Макарове, хочу привести тут несколько обширную цитату из моего литературного опуса «Записки горбатого человека», который вышел в свет еще при его жизни и который он читал со снисходительным смешком и одобрением. Отрывок этот даёт, на мой взгляд, некоторое представление о быте и образе жизни поэта. (В книге он проходит под именем Коленвал.)

Хорошо Коленвалу. Строчит свои шедевры в своё удовольствие, читает их в пивнушке первой залётной душе, сразу же и дарит там на память или, когда дома, в тумбочку свою фанерную складывает; родит стихок-другой, а когда и поэмку – фьють в тумбочку, облегчилась душа, не даром день прожит. И чихать он хотел на издательства, на редакции... Птица родится птицей, ей не надо доказывать, что она птица. Коленвал есть Коленвал, ему не надо, как кое-кому, из кожи лезть вон, чтобы поддержать свое литреноме. Ему стихи писать, как печь топить, как голубей гонять на крыше... Как он там сказал:

Я поэтами долго лечился,
Но стихами души не унять.
А стихи я писать не учился,
Как собаки не учатся с..ть.

Вы представляете себе, что такое коленчатый вал? Вот и он весь сверху донизу, изнутри и снаружи из кривошипных узлов. Полустарик, полумальчишка с седеющей проволокой волос и синими, по-детски вопрошающими глазами... А ещё, старшее поколение помнит, наверное, коленвалом в оны годы называли бутылку сорокаградусной в белой бескозырочке ...

Да, Коленвал – глыба, но сколько мы выручали его, от края пропасти отворачивали. Уж не буду мелочиться, расписывать... В конце концов, вырывали его стихи из огня – в прямом смысле слова, он хотел однажды ими печь растопить, хоть и бытует мнение, что рукописи не горят, – вырывали и печатали.

Коленвал живёт, как и подобает настоящему поэту, в халупе. Один. Не считая кота. Роскошного сибирского зверюги Цезаря. Оттапливается их обиталище дровами, санудобства – помойное ведро в сенях под жестяным умывальником. А под кроватью сто или тысяча башмаков, начиная с подростковых размеров, в которых он ещё в школу бегал, так и не оконченную. Однажды

я остался ночевать у него, снял мокасины, зачихнул по неопытности под кровать, а утром среди сотен других найти свои уже не смог и потопал домой в каких-то несурзных и разных.

Тогда ещё и Грач участвовал в наших полётах. Мы сидели втроём – Грач, я и хозяин дома – Коленвал, стало быть... Простой он мужик, разошёлся, стихи читал:

Пью чай, жую кусочек хлеба,
Читаю, чтобы не завывать.
Гляжу в бесчувственное небо –
Пытаюсь Бога не забыть.

Уму-разуму наставлял:

– *Поэзия – это любовь. Нет любви – нет поэзии.*

А любовь у Коленвала была. Сколько он ей стихов посвятил! Трагическая любовь. Она у него, бедная, совсем молодой умерла. Но не буду... Прав он только: Бога б не забыть...

В двух местах того текста автор обрывает себя. Первый раз говорит: не буду мелочиться, расписывать... А речь идет о том времени, когда Юра Макаров угодил в ЛТП. Что это такое? ЛТП (лечебно-трудоустройственной профилакторий) – это в советские времена зона для алкоголиков-тунеядцев, противоречившая Конституции и дававшая государству бесплатную рабсилу. Таким образом, поэт Ю.Макаров был классифицирован как тунеядец (стихотворное творчество не в счет) и заключен в специализированное заведение с «колючей изгородью звёзд» над забором в городе Бугульме.

Тогда я работал литконсультантом в Союзе писателей республики, а друг мой, Володя Изергин, – главным редактором городской газеты в той самой Бугульме. Я позвонил ему, поведал о проблеме и на следующий день был уже на месте.

К моему приезду почва в ЛТП стараниями моего друга была грамотно удобрена. Нас с Володей радушно встретил начальник заведения в чине майора (фамилию уже не помню). Мы рассказали ему, какой у них содержится – не подберу слова – клиент, пациент, заключенный... Попросили создать для него щадящий режим и дать ему возможность писать свои стихи.

Потом была встреча. Юра несколько стеснялся своего положения. Ожидаемой безоглядной встречи не получилось. Некоторое время спустя я понял – почему: не было в тот день между нами равноправия.

Мы передали ему авторучки, карандаши, писчую бумагу и пошли в многодневный поход по инстанциям, по высокопоставленным друзьям-знакомым... Много копий пришлось поломать, но Юра Макаров освобождён был досрочно.

Вторая фраза, оборванная многоточием, о трагической любви. Здесь я просто хочу назвать её имя – Мария. Стихотворение, посвящённое ей, в нашей подборке.

Что касается стихотворения «Воспоминание об одной бесстыжей прекрасной женщине», которое Адель Хаиров посчитал недостойным публикации, то всё-таки, на мой взгляд, Адель поспешил вынести суровый приговор, заострив внимание на шокирующем заголовке и, в какой-то мере, – на первой строфе. Их он и процитировал, оторвав от всего произведения. А ведь если вчитаться, – стихотворение это не так однозначно, как может показаться на первый взгляд. В нём и плавная поэзия, и чёткие афористичные строки, и без преувеличения сказать – философская мысль.

Одно из своих стихотворений Юра Макаров начинает со слов: «Берегите детей и хороших поэтов...»

Что скажешь на это? Как могли, берегли. И печатать еще при жизни начали, несмотря на его ершистый, пофигистский характер. В конце 80-х, в одном из первых номеров новоявленного журнала «Идель» мы с ходу дали весьма обширную подборку его стихов, книжка за книжкой стали выходить и поэтические сборники. Тут с необязательным и несобранным автором пришлось повозиться писателю Диасу Валееву. Если бы не он, то поэзию Юрия Макарова мы б сегодня собирали по крохам по всей знавшей когда-то Юру Казани.

И у меня остались кое-какие его рукописи, общие тетрадки, листы из-под малоразборчивой машинописи старенькой, портативной «Москвы». Кое-что из них мы сегодня публикуем. Как есть, без правки, изменений, которых хватает в ранее напечатанных стихах. Особенно рьяно редакторы приложились к стихотворению «Я выпал из созвездия Гончих Псов». Ну, да ладно, разберёмся. И разберутся. Большая поэтическая жизнь Юрия Макарова ещё впереди.

Ахат Мушинский

